



ЛЮБОВЬ
ТАЙНА
ИНТРИГА

ГЕОРГИЙ
ЛАНСКОЙ

ГАМБИТ ПИКОВОЙ ДАМЫ

Георгий Александрович Ланской

Гамбит пиковой дамы

Серия «Любовь, интрига, тайна»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48811365

Гамбит пиковой дамы / Георгий Ланской: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-108557-5

Аннотация

Сбежав из страны после смерти мужа и получив наследство, Алиса тихо жила в пригороде Парижа, надеясь, что все неприятности позади. Старых друзей у нее не осталось, но есть давний враг – он терпелив, умен и безжалостен. Всего одна случайная встреча – и жизнь Алисы снова превращается в кошмар. И неважно, что враг уже сделал тот самый шаг от ненависти до любви, ведь сама она может ответить на его чувства только смертельным ударом. Ей придется убить своего врага или погибнуть самой...

Содержание

Пролог	5
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георгий Ланской

Гамбит пиковой дамы

© Ланской Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Окутанная саваном лунного света, комната казалась склепом.

Лежать в одном положении было неудобно. Я перевернулась на бок, стараясь сделать это как можно тише. Зверь поднял голову и уставился на меня. Я не могла его обмануть. Зверь всегда знал, когда я сплю, когда притворяюсь, когда плачу или смеюсь.

Сегодня я не спала, смотрела, как ползет по стене голубой прямоугольник света, а зверь чутко ловил каждый шорох.

За окном было тихо, и только старые ели слабо махали темными лапами, подавая знак темному стражу, застывшему у моей постели.

Он поднялся и медленно подошел ко мне, дыша в лицо жарким, вонючим смрадом, а потом влажный горячий язык коснулся моих мокрых щек, слизывая слезы. Я обняла его лобастую голову, уткнувшись в короткую черную шерсть. Зверь не шевелился и только шумно вздыхал, прикасаясь к руке холодным носом.

Я училась спать по ночам заново, реагируя на каждый звук. Но ночные шорохи – пусть даже не самые приятные гости – были куда лучше снов: тягучих, липких, как смола, затаившихся во мраке, построенных на костях воспоминаний.

Воспоминания, которые я вполне удачно давила днем,

топча их каблуками туфель, приходили ночью, впиваясь в незащитное сознание, как крючки в желтый рыбий рот, раздирая его и уродуя, заставляя корчиться в агонии.

В кошмарах, мечась на скомканых простынях, я всегда видела их – людей из прошлого. Грустных, веселых, уклоняющихся от моих вопросов, дающих бесполезные советы. Страшнее всего было просто ловить на себе их укоряющие взгляды. Каждый раз, когда я видела их – двух женщин, двух мужчин, я плакала, а зверь беспокойно озирался по сторонам, ища моих обидчиков.

Сегодня, забывшись в коротком беспокойном сне, я увидела ее. Сухонькая женщина, почти старушка, с несгибаемой, словно затянутой в корсет спиной, сидела на тротуаре, прося подаяние. Люди скользили мимо, словно не замечая ее. Женщина не пыталась протягивать к ним руку. Даже в такой позе – со скрещенными по-турецки ногами, она казалась королевой. У ее босых пяток стояла перевернутая шахматная доска.

Прохожие вдруг развернулись, и все до единого пошли мне навстречу. Я с ужасом увидела их лица: грубые, белые и черные, отливающие лаком, безгубые, с мертвыми, залитыми белилами или тьмой глазами. Они чеканили шаг, проходя мимо старушки, и бросали к ее ногам шахматные фигурки. Ладьи, кони и пешки падали на тротуар с костяным стуком и разбивались вдребезги. Женщина смотрела на меня, строго поджав губы, а потом вдруг протянула руку, указывая на

что-то за моей спиной.

Я не обернулась, потому что мне было очень страшно. Проснувшись в этот момент, я долго лежала в темноте, сдерживая дыхание, но он все равно услышал и подошел. Уткнувшись в пахнущую псиной шерсть ротвейлера, я разрыдалась.

Кошмары, бывшие неотъемлемой частью моей жизни почти год, теперь приходили реже, но легче не становилось. Я сползла на пол, баюкая на коленях тяжелую голову собаки.

Ротвейлер был единственным живым созданием из моей прошлой жизни, о которой я старалась не вспоминать. Пес, сам переживший немало горестей, теперь ходил за мной по пятам, пытаясь спасти от любого, посягнувшего на мой покой.

Прямоугольник света на стене наливался красным, становясь более четким. Оконная рама походила на надгробный крест.

Я ускользнула от смерти, оставив ее другим. Ушла с большими потерями, лишившись всех, кого когда-то любила. Убежала, оставив с носом врагов, жаждавших избавиться от ненужной преграды на пути к большим деньгам, от пешки, в одночасье ставшей королевой.

Кто я теперь? Пешка в безнадежном гамбите? Козырная дама в колоде?

Я легла на пол, прижавшись к теплому собачьему боку. Прошло уже больше двух лет. Научившись спать по ночам, я разучилась бояться. Кем бы ни были мои преследователи,

они меня потеряли. Пес громко задышал от удовольствия, когда я почесала его живот. Я улыбнулась, вспомнив, как жила это время рядом с ним, верным и преданным, лучшим другом человека.

И теперь мне не от кого убежать. А ему не от кого меня защищать.

Хочешь, расскажу сказку?

Часть 1

Я лениво потягивала кофе и разглядывала пустую улочку. Кофе только что открылось, посетителей было немного. Те, кто спешил на работу в Париж, штурмовали метро где-то два часа назад и уж точно не пошли бы пить кофе к Жаку. Для обычных посетителей – любителей погреть косточки под солнцем – время еще не настало, хотя внутри вовсю кипела работа, а упоительные ароматы свежих круассанов и кофе приятно щекотали ноздри. С утра в кафе было всего два посетителя: я и старичок лет семидесяти: опрятный, чистенький, по-настоящему французский, с лукавым ленинским прищуром.

Старичка вычурно звали Максимилианом. Если я имела неосторожность прийти в кафе раньше его, он всегда подсаживался рядом, норовил потрепать за щечку, а то и ущипнуть с подзабытым мужским пылом. Правда, в последнее время ему как-то расхотелось это делать. Бакс, с рвением выполнявший функции сторожа, на Максимилиана порывкивал, косился недобро, а однажды даже продемонстрировал зубы. Я долго извинялась, но потом скорректировала утренние прогулки так, чтобы приходиться в кафе позже. Теперь я лишь вежливо кивала старичку и, получив свой кофе с булкой, садилась за другой столик.

Больше мне никто не докучал. Жизнь в парижском приго-

роде Леваллуа Перре была тихой и сонной. Кафе Жака стояло вдалеке от обычных туристических маршрутов, так что возможность встречи с соотечественниками была сведена к минимуму.

Сегодня, выгуляв пса, я зашла в кафе, уселась за свой любимый столик под зеленым навесом и стала ждать, пока выйдет хозяин. Жак всегда обслуживал меня сам, не знаю почему. Наверное, я ему нравилась, что вызывало бурное неодобрение его жены и дочери, угловатой, с громадными черными глазами, носом-горбинкой и курчавыми волосами. Жена Жака, грозная брюнетка с буйной гривой непослушных волос, была наполовину турчанкой, наполовину баской, о чем Жак, небрежно обмахиваясь линялым полотенцем, рассказывал мне не то на третий, не то на четвертый день знакомства.

– Что поделывать, мадемуазель, – грустно ответил он, когда я поинтересовалась, не ревнует ли его жена к посетительницам, – такова ее доля. Иногда она кипит, как раскаленное масло, и в такие минуты у меня поджилки трясутся. Ведь на кухне полно ножей. Однажды она уже стукнула меня сковородой по темечку, да, да, вот прямо сюда! Но я – француз, черт побери, и не могу не смотреть на красоток...

У Жака были потрясающие способности комика. Когда он показывал мне травмированное темечко, где среди волосиков светилась изрядная плешь, я закатывалась от смеха. Жак хохотал вместе со мной и с тех пор всегда был рад меня видеть. Вот и сегодня, когда я махнула ему рукой, он тут же

выбежал наружу.

– Еще чашечку, Алиса?

– Пожалуй, – улыбнулась я. – И круассан.

Я сунула под стол недоеденную булочку, и Бакс с удовольствием слопал ее за мгновение. Спешить было некуда. Я поднялась рано, от скуки убрала дом и даже вымыла два окна, мрачно подумав, что мыть окна в шесть утра – предел мазохизма. От подобных мыслей легче мне ничуть не стало. Почувствовав себя никому не нужной и всеми забытой, я даже попыталась всплакнуть, надеясь, что мне полегчает, но уже спустя мгновение эта идея показалась мне глупой.

Бакс крутился под ногами, дважды перевернул ведро с мыльной водой, причем во второй раз нарочно, в этом я была уверена. Ему тоже было скучно, и раз уж я соскочила с постели ни свет ни заря, могла бы не скоблить эти никому не нужные стекла, а прогуляться по парковой зоне, неподалеку от мэрии, пока не выскочили эти дурни-велосипедисты. Велосипедистов Бакс ненавидел и все время порывался броситься на них. По-моему, они вызывали у него первобытный рефлекс хватать и рвать добычу на части из-за того, что слишком быстро перемещались.

Из окна доносилась музыка, мальчик с трагической судьбой пел что-то о победе над самим собой. Слыша этот чистый, высокий голос, было даже трудно представить, что его уже нет.

...A corps perdu j'écrirai mon histoire
Je ne serai plus le pantin du hasard
Si toutes les vies sont des causes perdues
Les hommes meurent de n'avoir jamais cru
De n'avoir pas vécu ivres et sans fard
Soldats vaincus pour une guerre sans victoire...

Всем телом я напишу мою историю.
Я не буду больше марионеткой случайности.
Если все жизни пропащее дело,
Люди умирают, никогда в это не поверив.
Не живя пьяными и без прикрас,
Солдаты, побежденные для войны
без победы...

Грегори Лемаршаль «A Corps Perdu»

Моего французского хватало лишь на отдельные фразы. Если в разговоре, да еще когда собеседник не слишком торопился, я понимала почти все и могла принимать участие в беседе, то песни мне пока не давались. Однако общий смысл я все же уловила. Песня вдруг приободрила меня, и к тому моменту, как Жак принес мне кофе, я уже решила, чем займусь сегодня, сделала пару звонков и теперь совершенно спокойно допивала вторую чашку.

Кафе мало-помалу заполнялось. За соседним столиком сидели бездельничающие девицы лет семнадцати, чирикающие о чем-то малоувлекательном: тряпках, мальчиках, пред-

стоящем концерте Пелетьера, на который они намеревались пойти. Я заскучала и уже готова была подняться с места, как в кафе вошел Оливье.

– Привет! – Он обрадовался и неразумно быстро направился ко мне. Бакс глухо рыкнул из-под стола. Девчонки притихли, Оливье притормозил и посмотрел на пса с опаской.

– Опять ты со своим чудовищем, – поморщился он.

– Куда мне без него? – усмехнулась я. – Садись осторожнее и ногами под столом не болтай, а то я его еще не кормила.

Оливье уселся, держась напряженно, боясь пошевелиться. Я надела на Бакса намордник, что тот воспринял как личное оскорбление: улегся на пол спиной ко мне и демонстративно вздохнул.

– Я ему не нравлюсь, – в который раз констатировал Оливье.

– А вот Жака он почему-то любит.

– От Жака пахнет корицей и булочками, неудивительно, что его обожают собаки и маленькие дети... Чем займешься сегодня? Может быть, сходим в кино? Оставим пса дома, прогуляемся по набережной...

– Сегодня не могу, – покачала я головой. – Договорилась с Кристофом. Они с Анной ждут меня на обед.

– Ну конечно, – сморщил нос Оливье. – На этого старого крокодила у тебя всегда есть время.

Он надулся и уткнулся в свой кофе. Я молчала, ожидая, пока ему надоест раздувать щеки.

С Оливье я познакомилась полгода назад, когда от нечего делать стала брать уроки живописи. Переехав в пригород Парижа, я долго сидела в своем маленьком домике практически безвылазно, делая короткие набегии на местные лавочки и бесконечно озираясь по сторонам. Продавцы быстро запомнили девушку с плохим французским, диким взглядом и ротвейлером на поводке. Они даже делали попытки подружиться, хотя вообще-то французы не очень жалуют иностранцев, что бы там ни говорили об их гостеприимстве. Месье Шарль приберегал для меня вырезку, а для Бакса – кости, мадам Лавантюр улыбалась, подбирая свежие овощи и молоко, а месье Батистен, владелец кондитерской, не только постоянно подсовывал к моим покупкам маленькие, напоминающие медали, шоколадки и карамель, но и несколько раз томно намекал на свидание.

Жители Леваллуа Перре к иностранцам относились достаточно беспечно. В конце концов, его окраины уже были забиты до отказа лиловыми неграми, далеко не всегда имеющими право жить на территории Франции. Рассуждали местные так: до Парижа – целых три остановки на метро, так что угрозы теракта минимальны, а очаровательная мадемуазель с большим псом, живущая уединенно в небольшом доме, на шахидку не похожа. Но, видимо, вопросы безопасности кого-то из бдительных соседей все-таки беспокоили, поскольку однажды, возвращаясь домой вместе с моим новым другом Кристофом, я застала у ворот дома полицейских. Впрочем,

ощутить вполне понятный трепет в поджилках я не успела, поскольку, увидев Кристофа, ажаны рассыпались в любезностях, взяли под козырек и растворились.

Соседи, без сомнения, видели, кто меня сопровождал, сделали соответствующие выводы и теперь на улицах здоровались с преувеличенной вежливостью. Воспользовавшись моментом, я кое-кому рассказала о своем прошлом и даже не очень-то врала. Потому до сих пор я ловила на себе сочувствующие взгляды, слышала цоканье языком и отдельные фразы о бедной мадемуазель, оставшейся вдовой в таком юном возрасте. Появление в моей жизни Кристофа и его семьи расширило вариации предположений, а я, памятуя, что хорошо продуманное вранье – это уже легенда, не пыталась ничего опровергать. Спустя несколько дней я услышала о себе новую информацию, где мне дали даже какой-то высокий титул.

Вскоре после этого я настолько осмелела, что отправилась брать уроки живописи. Вопреки моему убеждению, будто рисовать учатся исключительно молодые люди, я обнаружила на занятиях разношерстную публику. Здесь были даже две старушки лет шестидесяти. Одна писала совершенно дикие натюрморты, вторая упорно рисовала мелкими котами: inferнальных, с вытянутыми жирафьими шеями и хищными улыбками. Кроме них, уроки брали неопрятная женщина в измазанной краской одежде, писавшая акварелью потрясающие пейзажи, девушка лет шестнадцати, тихая, забитая,

испуганная, как мышь, мужчина с дикой, всклокоченной шевелюрой и Оливье.

Будучи иностранкой, я не очень вписывалась в эту группу, да и не старалась, держась особняком. Остальные общались достаточно мило: смеялись, шутили и постоянно болтали, что иногда меня даже раздражало, так как говорили они слишком быстро, чтобы я могла понять. Потому я сосредотачивалась на картинах, не обращая на них никакого внимания.

Оливье подошел ко мне сам спустя месяц занятий. До того момента я ограничивалась вежливыми кивками и в дискуссии не вступала. А тут он, грызя яблоко, долго стоял за спиной, а потом ткнул пальцем в угол картины.

– Здесь слишком темно, – сказал он. – И вообще твою картину портит обилие мелких деталей. Хотя композиция, надо признать, хороша. Ты училась где-то?

Тогда я впервые обратила на него внимание. Оливье был сокрушительно хорош: высокий, жилистый, темноглазый, с длинными прямыми черными волосами, распущенными по плечам. У него были высокий лоб и тонкие пальцы с ухоженными ногтями, слишком изящными для мужчины.

Я скупно улыбнулась и не ответила. Но Оливье не отходил. – Нет, в самом деле. Я бы впустил сюда немного света и смягчил оттенки, сделав их более холодными. Месье Антуан, вы не находите?...

Я стиснула зубы. Оливье и наш преподаватель Антуан по-

дошли и стали рассматривать мою мазню с величайшим вниманием. Остальные тоже побросали кисти, мелки, уголь и придвинулись ближе.

– Оливье прав, – кивнул Антуан. – Вот тут и тут, – он ткнул пальцем в холст, – картина перегружена деталями. И с цветом я бы посоветовал поработать. У вас интересные картины, Алиса, но чрезмерно мрачные. Хотя надо отдать должное, вы невероятно терпеливы. Вы так кропотливо выписываете мельчайшие детали... Интересный пейзаж. Этот дом... Вы выдумали его?

Я кивнула, стараясь не вдаваться в подробности, но по-мрачнела и ушла с занятия раньше, чем обычно, не сразу обратив внимание на то, что Оливье увязался за мной. Он долго шагал, сопя мне в затылок, а потом робко взял меня за руку.

– Алиса, ты обиделась?

Я покачала головой.

– Тогда расстроилась? А почему?

Я не ответила и лишь натянуто улыбалась, надеясь, что он отстанет. Но Оливье оказался настойчивым и даже уговорил меня пойти с ним в кафе. Он взхлеб рассказывал о своей жизни, тараторя так быстро, что я почти не понимала его и оттого смеялась, просила повторить. Он повторял и тоже смеялся, непонятно почему.

Оливье был моложе меня на три года. По сравнению с ним я сама себе казалась старой черепахой, просидевшей в бо-

лоте триста лет. Его беззаботность помогала справляться с мрачными мыслями, то и дело посещавшими меня по вечерам. Теперь на занятия я ходила с удовольствием, с большим рвением учила язык и охотно принимала участие во всевозможных развлечениях. И только недописанную картину, на которой было изображено мое похороненное прошлое, я задвинула в угол и никогда уже к ней не возвращалась.

Я согласилась подвезти Оливье до Парижа, хотя, признаться, его нытье раздражало до зуда в ладонях. Сегодняшний день хотелось провести без нервотрепки, тем более что меня ждали приятные люди, для которых и я, и мой пес всегда были желанными гостями.

Оливье пришлось устроиться на заднем сиденье моего старенького «Рено». Бакс взгромоздился на переднее и, как всегда, высунул морду в окно, стоило нам тронуться с места. Ветер раздувал его уши. Пес щурился, получая удовольствие от поездки, и совершенно не обращал внимания на надутого Оливье, тщетно пытающегося завести непринужденный разговор.

– Не понимаю, почему тебя так тянет к этим напыщенным снобам, – сказал Оливье. – Ведешь себя как семидесятилетняя старуха... Поляки все такие?

Я не ответила, раздраженно подумав, что надо высадить его где-нибудь поближе к метро, а дальше пусть добирается до своей студии как знает. И если до сего момента в глубине души шевелились отголоски совести (бедный парень, ради

встречи со мной приехал в пригород!), то сейчас меня переполняло желание остаться одной.

Напыщенные снобы – это, конечно, Кристоф и Анна. С Кристофом я познакомилась на собачьей выставке в Ле-Бурже. На тот момент я уже сама готова была выть в четырех стенах и, когда узнала о выставке, решила поехать. И хотя я прекрасно знала о родословной Бакса, насчитывающей куда больше знатных родичей, чем у иного аристократа, заявлять его как чистокровного пса по понятным причинам было невозможно. Не то чтобы я боялась, но собачьи принцы – такая же редкость, как отпрыски людских королевских династий. А у Бакса его родовое имя было настолько вычурным и длинным, что я его в свое время не могла даже запомнить. Поэтому на выставке я даже не пыталась зарегистрировать пса, учитывая и отсутствие клейма, и подлинного ветеринарного паспорта. Бакс не возражал. Ему, насидевшемуся взаперти, такое обилие собак и людей казалось невероятно интересным. Поначалу он растерялся и нервно трясся, но потом с любопытством оглядывался по сторонам.

Я смотрела на выставленных собак, чувствуя, как с души медленно сползает тоска, давившая каменной жабой. Такого разнообразия пород я не видела еще никогда, хотя регулярно ходила на выставки. Сюда, в парижский пригород, съехались сотни собаководов со всего света. Пару раз я даже слышала речи соотечественников, но не подала виду, что понимаю порусски, на всякий случай отойдя подальше.

Ближе к вечеру, когда я кидала Баксу тарелочку, ко мне подошел почтенный седовласый мужчина в голубеньком свитерке с синими и белыми ромбиками, джинсах и светло-коричневых мокасынах, которые, на мой неискушенный взгляд, стоили не меньше двух сотен евро.

– Это ваша собака, мадемуазель? – вежливо спросил он. Вопрос был довольно глупым, если учесть, что Бакс ловил тарелочку в воздухе и приносил мне, а не кому бы то ни было.

– Да, месье, – вежливо ответила я. – Это моя собака.

– Вы не француженка? У вас восточно-славянский акцент, – сказал мужчина.

– Да, месье, я полька.

Мужчина как-то странно повел носом и недоверчиво прищурился, словно не поверил моим словам, а потом улыбнулся.

– Отличный пес. Поверьте мне, я говорю как специалист. У него шикарные предки.

– Ну что вы, – потупилась я. – Я купила его в обычном питомнике за бесценок.

– Вы лукавите, мадемуазель. Мне достаточно кинуть взгляд на пса, чтобы определить чистоту его кровей. Впрочем, я не настаиваю. Вероятно, вы сами не в курсе, каким сокровищем владеете...

Наш разговор прервал фотограф. Он подбежал в тот момент, когда мужчина с нежностью потрепал Бакса по голове,

а тот, одуревший от бега и людей, даже не попытался воспротивиться, застыв с тарелкой в зубах. Фотограф прошептал просьбу улыбнуться, сделал несколько снимков. Мужчина вежливо ждал, пока тот, раскланявшись, не сунет мне в руку визитку, а потом иронично посмотрел прямо мне в глаза.

– Вас не удивляет внимание прессы? Особенно учитывая, с кем рядом вы оказались?

– Почему я должна удивляться?

– Ах да, – спохватился тот, – вы же иностранка. Обычно здесь все стремятся поближе сойтись со мной. Разрешите представиться, Кристоф Альбер...

Так я познакомилась с Кристофом, заводчиком чистокровных ротвейлеров. Произнося свое имя, он все-таки выжидающе смотрел на меня, но я не отреагировала, поскольку не имела никакого представления, кто передо мной.

Вообще, имя Кристофа следовало произносить как д'Альбер. Он был потомком одной из самых благородных династий Франции, состоя в родстве даже с незабвенной графиней де Шеврез, воспетой в «Трех мушкетерах». На знатную прапрабабку я отреагировала спокойно, вежливо сообщив, что знакома с ней лишь по творчеству великого француза.

– Мадемуазель, неужели в Польше читают Дюма? – восхитился Кристоф. – Мне казалось, что современная молодежь предпочитает комиксы и кино.

– Молодежь бывает разной, – уклончиво ответила я.

– Хотите посмотреть моих собак? – предложил он.

Делать особо было нечего, и хотя я очень устала, предпочла принять приглашение, оказавшись в итоге в резиденции, расположенной недалеко от Парижа.

Фамильное гнездо французских аристократов содержалось в образцовом порядке. Кристоф пояснил, что замок является достопримечательностью, и определенный доход он и его семья получают от туристов, но большую часть капитала он сколотил на средствах массовой информации. Кристофу принадлежали четыре газеты, два телеканала и радиостанция. Кроме прочего, семья д'Альберов владела фабриками, мануфактурами и модными магазинами, за которыми надзирала супруга Кристофа – Анна.

Представляясь Анне, я вовремя вспомнила, что теперь меня зовут Алиса Буковская, я – вдова и приехала из польского города Лодзь, где прожила всю жизнь. Не знаю, поверили ли мне д'Альберы, но после легкого ужина Анна радушно предложила приезжать еще и непременно привозить с собой Бакса. Я пообещала, подумав, что больше никогда не увижусь с семейкой аристократов. А спустя пару дней Кристоф заехал за мной, предложив пообедать у них дома.

Визиты учащались, и вскоре я уже не могла помыслить жизни без этой радушной семьи. И только Оливье, знавшему о моих новых друзьях, не нравилось, с кем я провожу свободное время.

Я въезжала на Лионскую улицу, где находилась городская квартира д'Альберов, когда, оглушив меня сиреной, вспыхивая истерическими синими всполохами, мимо промчалась карета «Скорой помощи». Пропустив ее, я автоматически нажала на газ, ощутив непонятную тревогу.

На перекрестке улицы Пикплюс и бульвара Рейи пришлось остановиться. На дороге рассыпались апельсины, вывалившиеся из ящиков опрокинутого грузовика. Колориту картинке добавлял старый «Ситроен» со смятым капотом. Водители стояли рядом, ожесточенно махали руками и поливали друг друга залиистой бранью. Вопреки моему предположению, «Скорая» не остановилась и промчалась дальше, давя цитрусовые, лопавшиеся под колесами с неприятным чавкающим звуком. Я сдала назад и сделала небольшой крюк.

У дома д'Альберов собралась небольшая толпа, рассыпавшаяся у ступеней неправильным полукругом. Среди зевак отчетливо выделялась парочка мужчин, хищно вперивших взгляд во входную дверь. На груди у них болтались фотокамеры. Выйдя из «Рено», я увидела водителя «Скорой», он с апатичным спокойствием курил рядом с машиной.

Я не двинулась с места, только вынула телефон, но позвонить Кристофу не успела. Двери раскрылись, и оттуда два дюжих медбрата вынесли носилки. Следом, с совершенно потерянным видом, вышел Кристоф в плаще, застегнутом сикось-накось. Репортеры бросились вперед, ослепляя его вспышками камер. Кристоф не пытался отвернуться, не сво-

дя глаз с носилок. Вытянув шею, я разглядела на них Анну.

Репортеры совали под нос Кристофу диктофоны и что-то торопливо спрашивали, но тот раздраженно отмахивался от них. Его потерянный взгляд случайно упал на меня. Лицо Кристофа прояснилось. Бросив медикам короткую фразу, он, расталкивая толпу, направился ко мне. Репортеры бежали за ним, как шавки, путаясь под ногами.

– Что случилось? – быстро спросила я, не тратя время на приветствия.

– Анне внезапно стало плохо, – растерянно ответил Кристоф и потер лоб бесконечно усталым движением. – Что-то с сердцем...

Его лицо было серым от напряжения, под глазами набухли мешки. Я пожалела Кристофа – настолько у него был жалкий вид – и тут же разозлилась на репортеров, шелкавших затворами камер без остановок и все совавших в лицо Кристофу диктофоны, задавая дурацкие вопросы.

«Что с вашей женой, месье д'Альбер? Посмотрите сюда, месье д'Альбер! Кем вам приходится эта мадемуазель? Правда, что у мадам д'Альбер случился сердечный приступ, когда она застала вас с любовницей? Мадемуазель, вы – любовница месье д'Альбера?...»

Услышав последнее, Кристоф побагровел, потом посинел. На шее вздулись жилы. Но прежде чем он открыл рот и начал орать, я поспешила вмешаться:

– Я – знакомая мадам д'Альбер. Сегодня мы договорились

пообедать с ней и ее супругом, обсудить вязку наших собак. У меня есть кобель с отличной родословной.

Я махнула рукой в сторону машины. Репортеры увидели Бакса, высунувшего голову в окно, и слегка приуныли. Воспользовавшись моментом, Кристоф развернулся и почти бегом промчался в сторону кареты «Скорой помощи». Я отошла к машине, и в этот момент у меня зазвонил мобильный.

– Алиса, ты не могла бы поехать со мной? – спросил Кристоф.

– Хорошо, – согласилась я и торопливо уселась за руль. Бакс рыкнул на сунувшегося к машине фотографа, поубавив у того прыти. – Куда ее повезут?

– В кардиологический центр «Амбруаз Парэ». Знаешь, где это?

– Нет.

– Ничего, просто следуй за машиной. Если что – звони.

Угнаться за «Скорой» я не смогла. Она неслась по Парижу, завывая сиреной, и скоро скрылась где-то за поворотом. Заблудившись в переплетении улиц, я пересекла Сену не по тому мосту, попала в пробку, завязнув в ней так основательно, что грешным делом решила – там и скончаюсь. Бакс нетерпеливо ерзал и поскуливал, да я и сама чувствовала настоящее желание найти дамскую комнату. Беспокойство за Анну отступило на задний план, подавляемое совершенно другими желаниями.

В центр «Амбруаз Парэ» я приехала уже ближе к вечеру,

изрядно покружив по Булонскому лесу. Приткнув машину на стоянку, я отправилась на поиски Кристофа. Бакс, устав от длительного заключения, взвыл, но я оставила его недовольство без внимания. В конце концов, я позволила побегать ему по лесу, что еще надо?

Кристоф обнаружился в кафетерии с чашкой зеленого чая, из которой вряд ли сделал хотя бы глоток. Я обняла его, похлопав по спине.

– Как она?

– Операция еще не закончилась, – глухо ответил он. – Она идет уже четыре часа. Не представляю, что можно делать четыре часа...

– Это ведь сердце, Кристоф, – мягко возразила я. – А не гнойный нарыв. Его нельзя вычистить за минуту. Если операция длится так долго, значит, случилось что-то серьезное.

Кристоф посмотрел на меня, и я внезапно подумала, что у него совершенно собачьи глаза, грустные, преданные, добрые и несчастные. Так смотрят псы, верно ожидающие хозяйина, который, может быть, уже никогда не вернется домой. Я неловко погладила его по руке, не зная, что еще сказать. Сейчас, когда мы сидели с ним в кафетерии больницы, мое прошлое вдруг вновь ворвалось в сознание. Вспомнив о четверых самых близких людях, я едва не разрыдалась.

– Она ведь никогда не болела, – тихо сказал Кристоф. – Вообще никогда...

Он задохнулся, закашлялся и отвернулся в сторону. Я си-

дела истуканом, не зная, как реагировать. Сейчас, когда пожилая француженка боролась за жизнь в реанимации, я думала о другой старой женщине, не побоявшейся выйти к убийце с кочергой в руке, погибшей, защищая меня. И от сознания этого стало еще гаже.

Находиться до бесконечности в кафетерии было невозможно. Мы переместились в холл, устроившись на кожаных диванчиках, где сидели такие же люди, как мы, встревоженные и тихие, что придавало помещению до странности напряженную атмосферу. Я сидела как на иголках, вздрагивала и порывалась вскочить, когда видела приближавшуюся к нам фигуру в светло-голубом халате. Но врачи игнорировали нас, проносясь мимо с ледяными выражениями лиц. Измучившийся Кристоф задремал, положив голову мне на плечо. А я сидела, боясь пошевелиться, гоняя в голове мрачные мысли.

Мужчина в медицинском халате что-то спрашивал, и, видимо, не в первый раз, но я почему-то не соотносила его появление с собой или Кристофом. И лишь когда до утомленного мозга дошла фамилия д'Альбер, переспросила:

– Что?

– Вы мадемуазель д'Альбер?

– Нет, – ответила я и дернула плечом. Кристоф проснулся, подскочил на месте и уставился на врача. – Вот месье д'Альбер.

– Мадам д'Альбер прооперирована, – сообщил врач. – Те-

перь ее жизнь вне опасности.

– О господи, – прошептал Кристоф, – какое счастье! Я могу к ней пройти?

– Пока нет. Мадам сейчас спит...

От растерянного и убитого Кристофа ничего не осталось. Он рывком подскочил с места и, схватив доктора за локоть, потащил куда-то по коридору, энергично втолковывая ему что-то непонятное. Впрочем, я и не пыталась разобраться в чужом языке и блаженно откинулась на спинку дивана, с удовлетворением думая, что жизни Анны ничего не угрожает. Однако в голове злобной крысой царапалось непрошеное предчувствие, что болезнь Анны – это только первое звено в цепочке моих неприятностей и дальше будет только хуже.

Анна туго шла на поправку, и врачи решили оставить ее в Амбруаз Парэ еще на несколько дней. Кристоф разрывался между работой и больницей, поскольку теперь ему пришлось взять на себя еще и обязанности жены. За несколько дней он заметно похудел, без конца зевал, с трудом сдерживаясь, чтобы не заснуть где попало: у кровати Анны, на скамейке или деловых совещаниях, в кафе за завтраком. Я навещала Анну в больнице, приезжала в усадьбу, выгуливала собак. Словом, помогала, чем могла. Занимаясь делом, я старалась отодвинуть на задний план тяжелое предчувствие неминуемой беды, успокаивая себя, что это только нервы. Но, как бы ни старалась, засыпая, чувствовала неясную тревогу.

– Почему у вас нет детей? – спросила я Кристофа, когда он приехал в больницу сменить меня.

Анна спала. Незадолго до этого я попыталась почитать ей газеты, но с моим ужасным акцентом это превратилось в водевиль. Анна слабо улыбалась, а потом задремала, положив сухую ручку на грудь.

– У нас была дочь, – просто ответил Кристоф. – Она умерла много лет назад.

– Ох, простите...

– Ничего. Она была совсем маленькой, когда это случилось. Врожденный порок сердца. Сейчас я почему-то думаю, что это она мстит Анне за то, что не смогла выжить.

– Не говорите так, – мягко сказала я и пожала его руку. Ладонь Кристофа была холодна как лед.

– Мы смирились, Алиса, – ответил он, и в его голосе скользила обреченность, стылая, с морозными иглами. – Нам хотелось иметь детей, но мы не могли рисковать больше. Боялись, что это повторится. Так и живем, друг для друга, скрипим потихоньку, как старая телега.

Когда я уходила, Кристоф сидел у постели Анны и читал ей ту самую газету, которую я оставила на тумбочке. Она слушала мужа с умиротворением во взоре, а я вдруг подумала, что это и есть настоящая любовь, пронесенная через годы. И оттого самой стало тошно и грустно, потому что я-то осталась совсем одна.

На следующее утро, когда я встретила в кафе с Оливье,

я вдруг почему-то описала ему эту трогательную сцену. Он не был впечатлен.

– Ты столько времени с ними проводишь, – недовольно пробурчал он. – А они тебе никто. Но почему-то этот старый пень тебе дороже меня. Скажи, чем он лучше?

– Ну, он не называет тебя «этот сопливый молокосос», – парировала я, разломив круассан и сунула его под стол Баксу. Оливье скривился.

– Можно подумать, Кристоф знает о моем существовании. Удивительно, что он вообще снизошел до тебя. Может быть, ты напоминаешь ему дочь?

– Ерунда. Ей было пять лет, когда она умерла.

– Тем более странно, чего он так к тебе прикипел. Впрочем, это неважно.

В его голосе звучала злость, и это показалось мне странным. Оливье с наигранным интересом повернулся в сторону бульвара и начал разглядывать прохожих.

– Ты что, ревнуешь? – удивилась я.

Он повернулся и нехотя кивнул:

– Да. Я ревную. С тех пор, как заболела Анна, я тебя совсем не вижу. Ты даже на занятия перестала приходить. Ко мне не заезжаешь, к себе не приглашаешь. У тебя ни на что не осталось времени.

Он вытащил пачку сигарет, открыл ее, а потом раздраженно смял, бросив в пепельницу.

– Ты не одолжишь мне пару сотен? – заискивающе спро-

сил он. – Совсем без денег. Даже на сигареты не осталось.

Я пошарила в кармане и с сожалением протянула ему пару купюр.

– У меня только двадцать евро. Но дома есть еще. Могу одолжить.

– Хорошо бы, – вздохнул он. – Вчера провел на Монмартре весь день, надеялся что-нибудь продать, но увы...

Я сочувственно покивала. Оливье постоянно таскал на Монмартр свои полотна, тусовался с окрестной богемой, более или менее удачливой, стоял на улицах, надеясь хоть что-то продать. Однажды он потащил меня с собой, велел прихватить пару работ. К своему удивлению, я увидела почти всю нашу группу, включая ее руководителя – Антуана Сармана. Все толклись на небольшом пяточке у лавки зеленщика, выставив на обозрение прохожих свои картины. Я вынула из багажника два намалеванных шедеврика и, приткнув их куда-то в уголок, отправилась смотреть с холма на растилающийся внизу Париж. С высоты птичьего полета город казался разноцветными кубиками конструктора, плотно набитыми в коробку. И только одинокая Эйфелева башня выделялась из общего ансамбля, застряв шпилем в облаках. Я прогулялась по узким улочкам, нисколько не заботясь о своих картинах. Купят их или нет – без разницы.

Через час это развлечение мне надоело, и я уехала. На следующий день девушки рассказали, что никто из нашей группы ничего не продал, в том числе и Оливье, и, кажется, его

это очень огорчило. Тогда я обратила внимание, что Оливье перестал заказывать в бистро бутерброды, ограничиваясь кофе. Видимо, с деньгами у него было совсем туго.

– Ты потом отвезешь меня в Париж? – спросил Оливье, вырвав меня из воспоминаний. – Или ты никуда не собираешься?

– Почему же? Я хотела навестить Анну, тем более что Кристоф меня просил об этом. Он сегодня будет занят допоздна. Если хочешь, поехали со мной, – предложила я.

– Не уверен, что Анна будет рада меня видеть, но в моем положении экономят даже на метро, – вздохнул он.

Оливье вышел из машины, разглядывая дом.

– Вот, значит, где ты живешь, – протянул он. Я остановилась у ворот и внимательно посмотрела на него.

– Что-нибудь не так? – ласково спросила я, не слишком тщательно маскируя металл в голосе.

Оливье смутился и неопределенно пожал плечами.

– Ну... Я ожидал увидеть что-то более... внушительное. А тут... Всего один этаж, и дом такой... несерьезный.

В отместку я хмыкнула и решительно шагнула внутрь. Оливье попытался следовать за мной, но оскаливший клыки Бакс помешал ему это сделать.

– Твоя псина просто ужасна, – оскорбился Оливье. – Чего он на меня рычит все время? Убери его.

– Подожди меня тут, – сказала я.

Оливье удивленно дернул бровями.

– Ты не пригласишь меня внутрь?

– У меня не убрано. И потом, я только возьму сумку.

Оливье ничего не сказал, но явно обиделся. Когда я вернулась к машине, он не проронил ни слова и молчал почти всю дорогу до больницы. Чувствуя себя неловко, я попробовала его разговорить, рассказав пару историй о Кристофе, о его замке и репортерах, окруживших нас на выставке собак и у дома, когда увозили Анну, но эти темы его не заинтересовали. К Амбруз Парэ мы ехали в гробовом молчании.

Подъезжая к больнице, я вспомнила, что не прихватила с собой никаких подарков, и притормозила у небольшого магазинчика, где кроме всяких мелочей торговали еще и цветами. Выбрав симпатичный букетик чайных роз, я протянула продавщице десять евро.

Девушка, принявшая у меня деньги, почему-то показалась мне знакомой, но я лишь мазнула по ее лицу взглядом, отметив нездоровую одутловатость, плохую кожу и неровно покрашенные в морковный цвет волосы, наполовину скрытые вязаной шапочкой. Из магазина вышла полная женщина, волочившая ящик с фруктами. Я бросила на нее беглый взгляд и направилась к машине, где сидел и курил в окно надувшийся Оливье.

– Алиса? – ахнула торговка. Я застыла на месте и неловко повернулась к ней. Женщина бросила ящик на землю и прищурилась. Торговавшая цветами девушка уставилась на

меня. Я мимоходом подумала, что эти два лица невероятно похожи, и спустя мгновение почувствовала, как перехватило дыхание.

Я узнала обеих, хотя видела их всего два раза в жизни. Впервые, когда мне было лет шестнадцать и я пришла просить помощи у своего отца. Второй раз лет восемь или девять спустя, на премьере спектакля «Мастер и Маргарита», где я играла главную роль. Два лица – молодой девушки и женщины средних лет – с одинаково сощуренными глазами цвета свинца, выпяченными нижними губами, недаром показались мне схожими. Прячась во Франции, я ожидала встретить кого угодно, но только не их.

– Вот уж не ожидала тебя тут увидеть, – сказала Лариса и обшарила меня острым, как скальпель, взглядом. Я холодно улыбнулась.

Мачеха выглядела не слишком хорошо. Трудно ждать изящества от бабы, таскающей ящички с фруктами, но во всем ее облике сквозила неустроенность. Дочь выглядела немногим лучше матери. Я вспомнила об отце и сжала кулаки.

– Что ты тут делаешь? – спросила Лариса.

– Приехала навестить знакомую, – сказала я, махнув рукой в сторону больницы. – Она тут лечится. А вы?

– А мы тут живем. Работаем вот помаленьку... Ты узнала Людочку?

– Здравсьте, – процедила Людочка.

Я скупо кивнула.

– Геночка-то умер, – плаксиво протянула Лариса и даже сделала попытку утереть рукой совершенно сухие глаза. – Ты в курсе?

– В курсе, – сухо ответила я. – Мы с мужем устроили его в больницу, после того как вы бросили его на произвол судьбы.

В глазах Ларисы вспыхнула ненависть. Людочка устала на что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела Оливье, вышедшего из машины и жадно прислушивавшегося к разговору.

– А ты времени не теряешь, – ядовито произнесла Лариса, но я не стала ее слушать и отступила к машине.

Оливье уселся рядом, и я рванула с места так, что осенние листья, устилавшие дорогу, взметнулись вверх в причудливом вихре.

Анна очень обрадовалась букету. Сидя в кресле на веранде, она близоруко щурилась, разглядывая топчущегося на месте Оливье, и даже заговорщически подмигнула, но у меня не было настроения поддерживать беседу. Визит к ней я сократила до минимума, сославшись на занятость. Анна не возражала. После процедур она выглядела очень утомленной. Пообещав приехать к ней завтра, я торопливо простилась.

Всю обратную дорогу до Парижа Оливье был невероятно тих и задумчив, искоса глядел на меня, не решаясь заговорить. И только когда я остановилась перед его домом, он повернулся ко мне. Я молчала, понимая, что разговора не из-

бежать, сжавшись внутри в нервный комок.

– Ты странная девушка, Алиса, – негромко сказал он.

Я промолчала. Оливье долго ждал ответа, потом вытащил сигареты и закурил.

– Знаешь, на тебя ведь давно обращают внимание, и не только потому, что ты – иностранка и очень красивая девушка. Ты правда красива. Думаю, ты могла быть актрисой.

Я усмехнулась. Вот так неожиданно Оливье попал в десятку. Кто бы мог подумать?

– Но ты все равно странная, даже для актрисы, – гнул он свою линию. – Я же знаю много актрис, начинающих и даже уже известных. Они все немного сумасшедшие. Ты – не такая, и твоя игра куда сложнее. Она загнана внутрь.

Я молчала, надеясь, что он уйдет прежде, чем мне придется попросить его это сделать. Но он сидел как приклеенный, пускал дым в окно и говорил, говорил, интуитивно находя бреши в моей броне, казавшейся такой надежной.

– Ты живешь в маленьком доме одна. Завела собаку – не пушистого йоркширского терьера, не болонку, а настоящего убийцу. Ездишь на старой развалюхе, одеваешься скромно, а в ушах – бриллианты, да и кольцо стоит немало. Не работаешь, но деньги всегда есть. И выдаешь себя за польку.

– Почему же выдаю? – спросила я.

– Ай, брось! Сегодня нам встретились эти бабы, и они явно были тебе неприятны. Настолько неприятны, что из больницы ты поехала кружным путем, чтобы не наткнуться на

них еще раз. Обе тебе знакомы очень хорошо, потому что одна назвала тебя Алисой. И говорила ты с ними не по-польски.

– Ты что, знаешь польский? – ядовито поинтересовалась я.

– Нет. Но совсем необязательно знать язык, чтобы понять, какой он. Ты говорила с ними по-русски.

– Польский и русский принадлежат к одной группе, – пожала я плечами. – Ты просто перепутал.

– Ну, конечно, – весело фыркнул Оливье, а потом, повернувшись ко мне, спросил со всей серьезностью, на какую был в тот момент способен: – Кто ты такая, Алиса?

– Если я скажу, мне придется тебя убить, – улыбнулась я. Оливье застыл с оторопелым видом, а потом захохотал.

Несколько дней я жила в состоянии постоянного трепыхания. По ночам слушала шум дождя, вздрагивала от случайных шорохов, поминутно подходила к окну, выглядывала из-за штор на темную улицу. Не знаю, чего я ждала, но подсознание услужливо шептало на ухо, что моя спокойная жизнь кончилась.

Оливье не дождался от меня откровений. После той памятной поездки он больше не приезжал в Леваллуа Перре. Может быть, у него не было денег, ведь одолженных мною двух сотен евро надолго не хватило, может быть, он просто обиделся на меня. Сама я встреч с Оливье не искала, занятий

по живописи не посещала и даже к Анне не ездила несколько дней, сославшись на неотложные дела. Утренние прогулки с собакой не приносили прежней радости. Я игнорировала кафе Жака, боязливо пробегала мимо гостиниц, где могли отдыхать соотечественники, а ночами думала о переезде. Прошрое скалилось из-за угла ярмарочным уродцем.

Я не боялась мачехи. Лариса была мне не страшна сама по себе, слишком уж ничтожной она казалась. К мачехе я не испытывала добрых чувств. Много лет назад именно она запрещала отцу видеться со мной и помогать материально, а потом, когда вся их семья переехала за границу, Лариса бросила отца умирать от рака.

Да, Лариса, с ее убогими мозгами, не умеющими просчитывать на пару ходов вперед, была не страшна. Но она могла навести на след тех, кто два года назад лишился денег и жаждал вернуть их обратно. Один звонок – и мне снова придется пуститься в бег. А я уже так устала бегать и прятаться...

Мой муж, Владимир Мержинский, занимался не самыми честными делами. Прикрываясь маской респектабельного бизнесмена, вместе с заместителем мэра города Гловой, а также с настоящим хозяином региона, Тимофеем Захаровым, Володя отмывал деньги по простейшей схеме. Создавались предприятия-однодневки, отцы города перегоняли на счета посредников немалые суммы из городской казны, оставляя себе изрядную долю. До определенного момента все шло хорошо, но потом Володя стал мешать Глове, и

тот решил вычеркнуть его из схемы самым радикальным образом.

Муж узнал об этом достаточно быстро. Понимая, что не сможет тягаться с Гловой, Володя решил не делиться прибылью с последней сделки, а сбежать вместе со мной за границу. Схема была идеальной. Разыскав моего отца, муж поместил его в хорошую клинику и перевел деньги на его счет. Жить отцу оставалось недолго, оба это знали. После его смерти я унаследовала бы все, ведь на тот момент отец был в разводе с Ларисой, а ее дочь Люда вообще не учитывалась – у нее был другой отец. От меня предстоящую схему держали в секрете, и все было бы хорошо, если бы не болезнь Володи. Он скончался внезапно, от сердечного приступа, не успев рассказать мне о том, что задумал.

После смерти мужа я попала в тиски, только взять с меня Глове и Захарову было нечего. По завещанию мужа все его имущество, включая недвижимость и бизнес, отходило его сестрам и племянникам. Я осталась ни с чем, не подозревая о банковском счете на внушительную сумму.

В мою неосведомленность не верили ни Володины бывшие партнеры по бизнесу, ни его семья. Племянник Володи – Михаил – даже нанял бывшего уголовника, чтобы выведать мои секреты. Вот только ничего у уголовника не вышло. Я часто вижу во сне, как вновь и вновь везу завернутое в полиэтилен тело, чтобы бросить его с моста...

Оставшись в одиночестве, Михаил сам отправился на по-

иски денег, убив мою подругу Женю и Агату – мать первой жены Володи. Если бы не случай, он убил бы и меня.

Я смогла скрыться только благодаря Сергею – помощнику Захарова. В тот злополучный вечер он, держа на мушке Захарова и его личного телохранителя Змея, попросил меня ждать его в Риме.

Я не знаю, что случилось с Сергеем. Улетев в Прагу, я наведальась к нотариусу и получила наследство – четыре с половиной миллиона долларов. С такими деньгами бегать можно было бесконечно. Меня наверняка выслеживали, но искали Алису Мержинскую, бывшую актрису театра драмы, зеленоглазую блондинку, утонченную и перепуганную. А Алиса Мержинская растворилась на просторах родины, как только покинула город, превратившись затем в польскую гражданку Алису Буковскую, решившую поселиться в пригороде Парижа.

Я приезжала в Рим целый год, сидела в условленном месте и ждала Сергея, но он так и не пришел. Терзаясь воспоминаниями, я все говорила себе: тебе показалось, ты не слышала... Но память, злая и безжалостная, подсовывала яркие, как в стереофильмах, картинки: я бегу прочь от дома Агаты, зажав в руке пакет с деньгами и паспортами, а позади, за прикрытой дверью, начинается пальба. Каждый раз, вспоминая это, я начинаю плакать.

Лариса пробудила ростки страха в моем истерзанном сердце. Сейчас она знала, что я в Париже. Если она начнет

копаться в прошлом, то без особого труда получит нужную справку об исчезнувшей актрисе Мержинской, в доме которой обнаружили труп молодого мужчины. А мне бы этого не хотелось. Взвесив перспективы, я решила не дожидаться развития событий.

Возможно, на следующий день, когда я, измученная бессонницей, решила навестить Анну, я бы и передумала. С момента встречи прошла почти неделя, а Лариса не давала о себе знать. День был чудесный. Острая осенняя прохлада придавала бодрости. С небес сияло солнце, а в моем саду цвели поздние астры. Я выгуляла Бакса и, велев ему сторожить дом, уехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.